

Региональная экономика

Динамика входа и выхода компаний и региональный экономический рост

Алексей Витальевич Заздравных

ORCID: 0000-0001-7828-8946

Кандидат экономических наук, доцент экономического факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова
(РФ, 119991, Москва, Ленинские Горы, 1).

E-mail: apkreforma@mail.ru

Аннотация

Задачи повышения темпов экономического роста в регионах Российской Федерации приобрели особую значимость в свете прогнозируемых негативных тенденций в экономике из-за обострения геополитической ситуации. Одним из перспективных инструментов решения этих задач выступает повышение предпринимательской активности, стимулирование процессов создания новых российских компаний, способных заместить ушедшие иностранные фирмы. Сегодня отсутствуют системные исследования, посвященные изучению влияния динамики компаний на экономический рост и развитие регионов. С целью устранения этого пробела в настоящей статье проведена оценка влияния отдельных компонентов динамики — процессов входа и выхода коммерческих компаний — на параметры валового регионального продукта. На базе оценок предложенной модели сформулирован вывод о том, что процессы входа и выхода компаний являются факторами регионального экономического роста. В период 2005–2020 годов в целом по стране выявлены как значительная межрегиональная дифференциация темпов роста валового продукта, так и поступательное снижение числа создаваемых компаний на фоне роста числа ликвидируемых. В большинстве российских регионов на протяжении рассматриваемого периода темпы прироста количества новых компаний находились в отрицательной области. Установлен проциклический характер таких процессов: в экономически благополучные периоды и периоды роста значения коэффициента входа новых фирм возрастали, в периоды кризисов и локальных рецессий — снижались. После 2016 года число ежегодно ликвидируемых компаний в целом по стране стало устойчиво превышать число регистрируемых. Такая тенденция оказала отрицательное влияние на динамику экономического роста регионов. Определенным потенциалом купирования сложившихся негативных тенденций обладают отдельные антикризисные меры, принятые Правительством РФ в 2022 году.

Ключевые слова: экономика регионов, валовой региональный продукт, демография организаций, предпринимательство, регулирование.

JEL: L16, L51, O47, R11.

Автор выражает искреннюю признательность д. э. н., профессору И. М. Тенякову (экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова) за консультации по отдельным этапам исследования, а также анонимным рецензентам за замечания и рекомендации по доработке рукописи статьи.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2022 года

Regional Economy

Entry and Exit Trends of Commercial Companies and Regional Economic Growth

Alexey V. Zazdravnykh

ORCID: 0000-0001-7828-8946

Cand. Sci. (Econ.), Assistant Professor at Faculty of Economics,
Lomonosov Moscow State University,^a apkreforma@mail.ru

^a 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract

The current geopolitical situation has prompted many foreign firms to withdraw from the Russian economy. This calls for somehow replacing them, especially in order to maintain economic growth in Russia's regions, by encouraging formation of new Russian companies capable of supplanting the departed firms and by stimulating entrepreneurial activity in general. The impact of trends in corporate activity on regional economic growth in Russia has not been systematically examined before, and this article is intended to address that deficiency. The article focuses on how two particular components of overall economic change — the entry and exit of commercial companies into markets — affect the indicators of gross regional product. The paper proposes an econometric model which confirms that the entry and exit of Russian companies are factors in regional economic growth. During the period studied from 2005 to 2020, a significant interregional discrepancy in gross product growth rates was observed alongside a progressive decrease in new firms appearing and an increase in exits by existing companies. For the country as a whole after 2016, the absolute number of companies withdrawing from operations constantly exceeded the absolute number of those starting up. This had a pronounced negative impact on economic growth rates in most of the regions. That those entries by companies were procyclical is demonstrated by the fact that during periods of economic growth the number of entries of new firms increased, while during periods of crises and recessions such entries decreased. In 2022 the Russian government adopted anti-crisis programs, which the author finds partially useful for offsetting negative trends in the operations of firms and stabilizing the economic situation in the regions. Among the main elements of these programs are moratoriums on business inspections, mitigation of liability for offenses, preferential lending, tax incentives, and subsidizing expenses.

Keywords: regionaleconomy, gross regional product, demography of organizations, entrepreneurship, regulation.

JEL: L16, L51, O47, R11.

Acknowledgements

The author would like to express his sincere gratitude to Prof. I. M. Tenyakov, Doctor of Economics (Lomonosov Moscow State University) for consultations on certain aspects of this study, as well as to anonymous reviewers for their comments and recommendations for revising the manuscript of the article.

Введение

Проблемы экономического роста в России традиционно находятся в центре внимания профессиональных экономистов и политиков. Их актуальность возросла в связи с затянувшейся стагнацией российской экономики, усугубленной пандемией и ужесточением геополитической конфронтации. В таких условиях выход на устойчивую траекторию экономического роста становится важной и амбициозной задачей, эффективность решения которой зависит от экономического потенциала и вклада регионов.

В последнее десятилетие в развитых зарубежных странах на первый план вышла новая парадигма экономического роста, подразумевающая активную мобилизацию внутренних резервов территорий, повышение эффективности использования местных ресурсов, большую самостоятельность региональных властей в определении приоритетов и целей развития, а также выборе инструментов их достижения [Лаврентьев, Криничанский, 2020].

Следует отметить, что различные аспекты экономического развития регионов часто рассматриваются в научной литературе в контексте общих вопросов экономической динамики, в связи с чем наряду с традиционными источниками регионального экономического роста: различными элементами природного, технологического, инвестиционного и человеческого потенциала регионов — ряд авторов¹ справедливо выделяют деловую и предпринимательскую активность. Регионы с высоким уровнем развития предпринимательства обычно обладают достаточными возможностями для адаптации к кризисным шокам и последующего выхода на устойчивую траекторию экономического роста. В свою очередь, новые компании способны стать альтернативным источником роста в условиях падения спроса на традиционные энергоносители [Земцов и др., 2020]. При этом уровень деловой активности и динамика входа новых компаний рассматриваются в качестве значимого индикатора экономического состояния регионов.

Таким образом, исследования различных аспектов *динамики компаний*² представляются исключительно важными для совершенствования механизмов региональной промышленной поли-

¹ См., например, [Галазова, 2012; Демидова, Камалова, 2021; Дробышевский, Луговой, 2005; Земцов, Смелов, 2018].

² Под этим термином понимаются различные изменения в общем количестве, составе и структуре хозяйствующих субъектов, а также в их отдельных качественных параметрах под влиянием процессов входа, выхода, роста, внутренних трансформаций и т. д.

тики, а также программ экономической поддержки и развития регионов.

Целью статьи является изучение механизма влияния процессов входа и выхода коммерческих компаний на параметры экономического роста российских регионов в период 2006–2020 годов. В обзорной части представлены результаты теоретических и эмпирических исследований зарубежных и российских авторов. В эмпирической части охарактеризованы тенденции регионального экономического роста и динамики компаний. В аналитической части дана эконометрическая оценка влияния процессов входа и выхода, а также иных факторов на динамику ВРП, обсуждаются полученные результаты.

1. Обзор исследований

Значимость динамики фирм, а также процессов входа и быстрого роста новых молодых компаний для экономического развития отмечается в работах ряда зарубежных и отечественных авторов³. Констатируется, что активная динамика компаний, отражаясь в изменениях значимых макроэкономических индикаторов, положительно влияет на рост и развитие как отраслей экономики, так и отдельных территорий. В числе основных механизмов *влияния динамики фирм на экономический рост* многие авторы называют генерирование и внедрение технологических инноваций, обеспечивающих рост эффективности и производительности, привлечение инвестиций и создание рабочих мест, развитие конкуренции, расширение товарного предложения, а также разнообразия форматов предпринимательской деятельности и торговли и пр.

Так, в работе [Ashcroft et al., 2007] на модели регионов и административных округов Великобритании показано, что более высоким темпам экономического роста, как правило, предшествуют и более высокие темпы роста числа новых фирм. Констатируется, что высокие показатели входа новых компаний являются необходимым условием экономического развития, поэтому содействие процессам создания новых фирм является важным политическим вопросом.

В работе [Asturias et al., 2020] на примере обрабатывающей промышленности Чили и Южной Кореи показан весомый вклад активной динамики входа и выхода компаний в совокупное уве-

³ См., например, [Виленский и др., 2018; Земцов и др., 2021; Иванова, Кравченко, 2022; Ashcroft et al., 2007; Brix, Grotz, 2007; Business Dynamism..., 2021; Dejardin, 2011; Estrin, Prevezer, 2010; Haltiwanger et al., 2015; Pe'er, Vertinsky, 2008].

личение производительности в периоды быстрого роста валового внутреннего продукта в расчете на душу трудоспособного населения. По мнению авторов, несмотря на различия в результатах исследований, процессы входа и выхода фирм исключительно важны для общего объяснения причин быстрого роста производительности.

В [Haltiwanger et al., 2015] отмечается, что быстрый рост новых фирм выступает важным элементом динамики реального производства и перераспределения ресурсов, которая характеризует экономический рост в странах с рыночной экономикой. Близкой по сути позиции придерживаются и авторы работ [Asturias et al., 2020; Chun, Kwon, 2017; Hathaway, Litan, 2014; Kharroubi, 2022; Pèr, Vertinsky, 2008; Salman et al., 2013], подтверждая значимую роль активного входа и быстрого роста новых компаний в устойчивом экономическом развитии, увеличении доходов и производительности.

В [Bartelsman et al., 2009] констатируется, что во многих странах на совокупный рост отраслевой производительности наряду с появлением новых компаний положительно влияет и уход малопродуктивных фирм. Этого тезиса придерживаются и в работе [Dejardin, 2011]: вход новой фирмы является фактором, нарушающим рыночное равновесие за счет более эффективного и инновационного производства, формирующего рыночную турбулентность. Последняя приводит к выходу малоэффективных фирм, перераспределению производственных ресурсов, обновлению экономической деятельности и последующему экономическому росту.

Вместе с тем взаимосвязи между формированием новых фирм и экономическим развитием весьма сложны и неоднозначны [Van Stel, Suddle, 2008]. Авторы полагают, что в силу ограниченности оперативных данных по молодым быстрорастущим фирмам экономической науке известно крайне мало об их реальном вкладе в рост совокупной производительности. К тому же результаты исследований, направленных на изучение взаимосвязей между возрастом компаний и производительностью, также различаются: в отдельных случаях установлено увеличение производительности фирм с их возрастом⁴, в других — снижение⁵.

В исследовании [Виленский и др., 2018] на примере России констатируется, что взаимосвязи между развитием не крупного предпринимательства и динамикой валового регионального продукта в регионах весьма слабы.

⁴ См., например, [Shane, 2009].

⁵ См., например, [Audretsch, Thurik, 2001].

Отдельно следует упомянуть исследования, демонстрирующие роль динамики компаний в процессах *создания рабочих мест и регулирования безработицы*. Так, в работах ряда авторов⁶ утверждается, что новым фирмам принадлежит ключевая роль в создании рабочих мест. В свою очередь, недостаток новых предприятий приводит к постоянному сокращению спроса на рабочую силу [Siemer, 2014]. Когда темпы роста новых малых фирм систематически выше, чем более крупных, сдвиги параметров экономической деятельности от последних к новым малым фирмам не могут оставаться нейтральными к занятости и должны приводить к снижению уровня безработицы [Audretsch, Thurik, 2001].

По данным Организации экономического сотрудничества и развития, в среднем в странах — членах ОЭСР новыми фирмами создается до половины новых рабочих мест, в них занято до 20% общей численности рабочей силы [Business Dynamism.., 2021]. В [Haltiwanger et al., 2017] установлено, что молодые быстрорастущие фирмы в США наряду с вкладом в рост производства вносят непропорционально большой вклад в создание рабочих мест. Авторы также поддерживают тезис, что при условии выживания молодые компании имеют более высокие средние показатели роста чистой занятости и объемов производства, нежели более зрелые.

В работе [Calvino et al., 2017] отмечено, что молодые (при этом обычно небольшие) фирмы являются чистыми создателями рабочих мест даже во времена крупных экономических кризисов, демонстрируя значительно более высокие темпы среднего роста чистой занятости по сравнению с более зрелыми компаниями и повышая в конечном счете общую производительность экономики. В [Ashcroft et al., 2007] утверждается, что в силу высокой значимости для рынков труда процессов формирования новых фирм власти многих стран проводят политику поощрения самозанятости в качестве эффективной меры снижения безработицы.

При этом авторы [Delfmann, Koster, 2016] полагают, что связь между входом новых фирм и экономическим развитием нелинейна, сложна и меняется с течением времени. Так, вход новых компаний ведет к созданию новых рабочих мест и найму новых работников, оказывая тем самым в короткие сроки прямое положительное влияние на занятость. Однако новые компании, усиливая со временем конкурентное давление на действующие фирмы, способны вытеснять наименее эффективные из них. При этом в перспективе нескольких лет лишь часть новых фирм останется

⁶ См., например, [Иванова, Кравченко, 2022; Audretsch, Thurik, 2001; Calvino et al., 2017; Salman et al., 2013].

на рынке. Последние два обстоятельства в среднесрочной перспективе будут приводить к сокращению занятости. В долгосрочной перспективе на рынке останутся наиболее конкурентоспособные компании, обеспечивающие высокую производительность и создающие дополнительные рабочие места.

В работе [Acs, Armington, 2004] также отмечается, что выжившие на рынке компании в долгосрочном периоде способны сыграть важную роль в создании рабочих мест, несмотря на то что совокупное влияние на занятость новых фирм может быть в моменте незначительным. На данных по США авторы установили, что более высокие темпы роста занятости положительно связаны с предпринимательской активностью и человеческим капиталом (за исключением обрабатывающей промышленности).

Относительно России авторами [Земцов и др., 2021] установлено, что в секторе МСП новое предприятие создает через год в среднем 10 новых рабочих мест, а технологический стартап — около 60. Авторы полагают, что расширение предпринимательства способно выступить инструментом адаптации российского рынка труда к будущим угрозам в силу его высокой гибкости и становления новых форм занятости, быстрого роста успешных предприятий. Одновременно отмечается, что российские компании не всегда создаются для реальной хозяйственной деятельности, при этом молодым фирмам обычно сложно конкурировать с монополистами на рынке труда [Земцов и др., 2021].

Ряд авторов отмечают роль новых компаний в *создании и внедрении инновационных продуктов и услуг*, обеспечивающих развитие новых отраслей и секторов экономики, включая высокотехнологичные⁷. Инновации, привносимые новыми фирмами, не только копируются действующими компаниями традиционных секторов, но и стимулируют инновационную активность последних [Van Stel, Suddle, 2008].

Чем больше новых фирм, тем сильнее их влияние на внедрение новых знаний и технологий, дерегулирование экономики и *развитие конкуренции* [Salman et al., 2013]. Появление новых компаний повышает уровень конкурентоспособности предприятий страны, заставляя их становиться более эффективными под влиянием сил конкуренции [Иванова, Кравченко, 2022]. Помимо прочего более высокие темпы создания новых фирм, как правило, обусловлены значительным уровнем развития культуры предпринимательства и свободы хозяйствующих субъектов, что, в свою очередь, также формирует предпосылки для экономического роста [Ashcroft et al., 2007].

⁷ См., например, [Иванова, Кравченко, 2022; Ashcroft et al., 2007; Peër, Vertinsky, 2008].

Таким образом, можно заключить, что тезис о значимости вклада новых компаний в экономический рост получил в научной литературе широкое признание.

Вместе с тем встречаются и аргументы о потенциальном разрушительном влиянии входа новых фирм. Так, в [Van Stel, Suddle, 2008] отмечается негативный косвенный эффект входа новых компаний на рынок, который способен проявляться с определенным временным лагом в форме устранения конкурентов и сокращения рабочих мест⁸.

Следует кратко упомянуть о работах, в которых демонстрируется влияние региональных особенностей на динамику фирм.

Авторы [Bishop, Shilcof, 2016] констатируют, что с эволюционной точки зрения одним из факторов, способных объяснить очевидные различия в показателях входа новых фирм в разных регионах, является пространственная неоднородность, обусловленная спецификой исторического развития, культуры, социальной структуры, физической географии, ресурсной базы, институциональной среды, а также «наследием» инвестиций, осуществленных в регионе в предыдущие периоды.

По мнению авторов работы [Brixy, Grotz, 2007. P. 309], решающее значение для динамики фирм приобретает «характер контекста, в котором происходит предпринимательская карьера». Этот контекст, согласно авторам, включает в себя как экономические, так и различные функциональные, культурные и пространственные аспекты. На создание новых фирм существенно влияет и структура региональной экономики [Gajewski, Kutan, 2018]⁹.

В свою очередь, в работе [Ashcroft et al., 2007] уточняется, что сами пространственные различия в темпах создания фирм обусловлены возрастной структурой населения, уровнем его образования, параметрами региональной безработицы и благосостояния жителей (включая средние цены на жилье), общим количеством малых фирм и частных предпринимателей, а также мерами экономической политики центральных и местных властей.

Что касается содержания последней, то в научных публикациях отражены весьма различные взгляды. С одной стороны, с учетом общего консенсуса в понимании роли новых компаний подчеркивается важность государственной политики по формированию макроэкономических условий, стимулирующих активное появление новых фирм¹⁰. При этом региональная структурная по-

⁸ Подобные аспекты в многочисленных научных публикациях обычно обсуждаются в русле известной шумпетерианской концепции созидательного разрушения.

⁹ В различных источниках такая структура часто характеризуется соотношением промышленного производства и сельского хозяйства.

¹⁰ См., например, [Salman et al., 2013].

литика должна быть ориентирована как на стимулирование, так и на обеспечение выживания и устойчивости новых фирм [Brixu, Grotz, 2007]. Однако, с другой стороны, подчеркивается, что политические усилия следует сосредоточить на поощрении создания и развития именно быстрорастущих компаний с более высокой способностью к организации новых рабочих мест¹¹.

По мнению авторов работы [Krasniqi, Lajqi, 2018], различные меры поддержки малых фирм, включая государственные расходы на стимулирование занятости, действительно оказывают положительное влияние на рост занятости для компаний любого размера. Однако авторы полагают, что такое влияние менее заметно в когорте мелких компаний и это обстоятельство негативно сказывается на общей эффективности государственных программ стимулирования занятости.

В [Shane, 2009] отмечается, что вера политиков в возможности развития депрессивных в экономическом смысле регионов, обеспечения технологического роста и организации новых рабочих мест через механизм создания всё большего количества новых фирм ошибочна. По мнению автора, типичный стартап обычно не является инновационным, создает мало рабочих мест и приносит низкие доходы собственникам и местным бюджетам. Поэтому экономическая политика требует концентрации на компаниях с высоким потенциалом роста.

При этом уже достигнутые положительные эффекты активной динамики фирм могут быть нивелированы в случае, когда государственная поддержка предоставляется слабым и неэффективным участникам рынков [Pe'er, Vertinsky, 2008]. В частности, в работе [Kharroubi, 2022] отмечено, что даже во времена кризисов политика экономической поддержки должна проводиться таким образом, чтобы стимулировать выход наиболее слабых и сильно пострадавших компаний, освобождая место для входа новых, более производительных и лучше приспособленных к новым экономическим условиям фирм, способных дать импульс росту экономики.

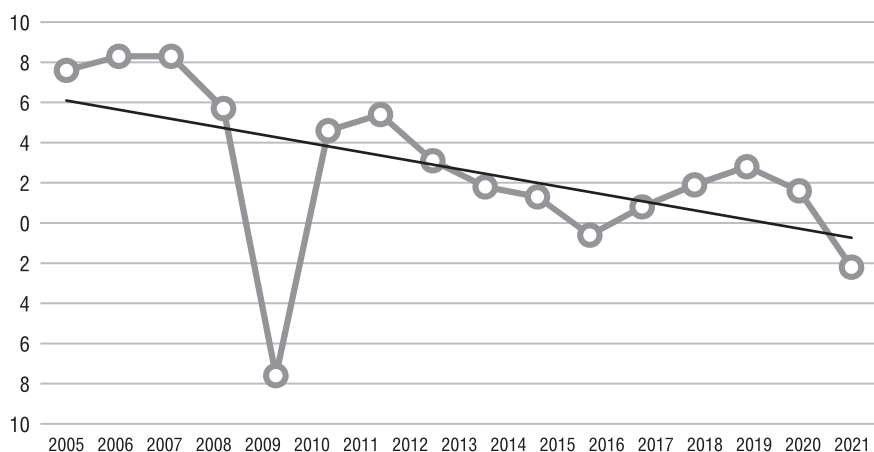
2. Характеристика динамики компаний в российских регионах и валового регионального продукта

В этом разделе представлена характеристика показателей экономического роста, а также динамики входа и выхода компаний в регионах Российской Федерации. В качестве информационной

¹¹ См., например, [Krasniqi, Lajqi, 2018].

базы использованы данные Федеральной службы государственной статистики (далее — ФСГС) по динамике реального валового регионального продукта и демографии коммерческих организаций в период 2005–2021 годов (без учета Республики Крым и города федерального значения Севастополя).

Тенденции изменения средних значений прироста ВРП (в целом по стране) приведены на рис. 1.

Источник: расчеты автора по данным ФСГС. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP.xlsx>.

Рис. 1. Темпы прироста реального ВРП в Российской Федерации, 2005–2020 годы (% к предыдущему году)

Fig. 1. Growth Rate of Real GRP in the Russian Federation, 2005–2020 (% change year-over-year)

В табл. 1 приведены обобщенные данные по регионам-лидерам и регионам-аутсайдерам с точки зрения динамики экономического роста в период 2005–2020 годов. Из графика на рис. 1 явствует, что общий тренд динамики ВРП в регионах РФ в период 2005–2020 годов — замедляющийся рост. В этот период можно выделить этапы роста и резких спадов, вызванных внешними (например, геополитическими обострениями или кризисами и рецессиями в мировой экономике) и внутренними (завершением отдельных инвестиционных проектов, ужесточением бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, ограничительными мерами правительства в период пандемии) причинами.

Этап экономического роста в регионах, фиксируемый до 2007 года, был связан со значительным увеличением мировых цен на экспортируемые энергоносители, а также расширением региональных потребительских рынков за счет развития кредитного механизма [Земцов, Смелов, 2018]. По данным [Зубаревич, 2014],

в период роста лидерами по динамике ВРП выступили крупнейшие агломерации и нефтегазодобывающие регионы, а удаленные и слабо освоенные дальневосточные регионы с миграционным оттоком населения развивались медленнее.

Т а б л и ц а 1

Регионы РФ (топ-20) с максимальными и минимальными средними значениями прироста ВРП, 2005–2020 годы (%)

T a b l e 1

Regions of the Russian Federation (Top-20) with Maximum and Minimum Average Values of GRP Growth, 2005–2020 (%)

Регионы с максимальными средними темпами прироста		Регионы с минимальными средними темпами прироста	
Республика Дагестан	5,99	Республика Коми	0,19
Белгородская область	5,79	Томская область	0,64
Республика Адыгея	5,63	Кемеровская область	0,69
Чеченская Республика	5,01	Волгоградская область	0,81
Астраханская область	4,86	Ивановская область	0,84
Калужская область	4,60	Республика Карелия	0,94
Тульская область	4,37	Республика Калмыкия	0,94
Иркутская область	4,33	Вологодская область	1,01
Сахалинская область	4,28	Мурманская область	1,01
Воронежская область	4,18	Самарская область	1,08
Тамбовская область	4,09	Псковская область	1,33
Калининградская область	4,09	Республика Тыва	1,34
Пензенская область	4,05	Республика Бурятия	1,44
Ростовская область	4,00	Костромская область	1,46
Ленинградская область	3,98	Кировская область	1,53
Московская область	3,95	Удмуртская Республика	1,58
Республика Мордовия	3,91	Хабаровский край	1,60
г. Санкт-Петербург	3,86	Курганская область	1,68
Курская область	3,83	Омская область	1,79
Республика Ингушетия	3,66	Тверская область	1,81

Источник: расчеты автора по данным ФЦИС. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP.xlsx>.

После кризисных явлений 2008–2009 годов, сопровождающихся резким падением ВРП, наметился рост, драйверами которого выступили инвестиции в аграрно-промышленный и военно-промышленный комплексы регионов, а также реализация в отдельных субъектах РФ крупных проектов, таких как Саммит АТЭС, Универсиада, Олимпиада и пр. [Земцов, Смелов, 2018].

Кризисные явления 2014–2015 годов, обусловленные накоплением внутренних препятствий для экономического развития (сокращением доли трудоспособного населения, технологическим отставанием ряда отраслей, низким уровнем производительнос-

ти труда) и влиянием внешних обстоятельств (международными санкциями и падением цен на нефть), привели к спаду инвестиций, стагнации валового производства, падению внутреннего спроса из-за сокращения реальных доходов населения в регионах. Эти факторы стали причиной двухлетней рецессии в экономике регионов, сменившейся умеренным ростом вплоть до 2019 года, после которого региональная экономическая динамика стала определяться влиянием пандемического кризиса.

В период 2019–2020 годов промышленное производство наиболее сильно сократилось в нефтедобывающих регионах, а сектор услуг демонстрировал наивысший спад в агломерациях федеральных городов, рекреационных регионах юга и республиках Северного Кавказа. На экономическую динамику в регионах оказывала влияние и разная жесткость и длительность ограничительных мер в первую волну пандемии [Зубаревич, 2021].

Данные табл. 1 свидетельствуют о значительной межрегиональной дифференциации темпов роста ВРП в анализируемом периоде: между регионами с максимальным среднегодовым темпом роста (Республика Дагестан)¹² и минимальным (Республика Коми) установлен более чем тридцатикратный разрыв. На подобную дифференциацию обращают внимание и авторы [Земцов, Смелов, 2018], объясняющие ее географическими и природными различиями, уровнем диверсификации и производственной специализацией регионов, их инвестиционными, производственными и экспортными возможностями, концентрацией человеческого капитала.

Динамика создания и регистрации новых компаний в регионах в период 2005–2021 годов была разнонаправленной. Так, регионами — лидерами по среднему *абсолютному значению коэффициента входа*¹³ выступили Республика Татарстан (114,98), Ивановская область (110,42), Вологодская область (109,99) и Санкт-Петербург (108,77), а регионами-аутсайдерами — Чукотский автономный округ (67,10), Магаданская область (62,51), Ставропольский край (60,96) и Республика Калмыкия (60,64). Нетрудно заметить практически двукратную разницу в абсолютных значениях коэффициентов входа у первых и последних.

Подобную ситуацию можно объяснить тем, что Санкт-Петербург и Республика Татарстан являются крупными агломерациями

¹² В работе [Зубаревич, 2009. С. 164] рекомендуется при объяснении подобных высоких темпов роста в Республике Дагестан учитывать «относительную достоверность статистики и влияние эффекта низкой базы».

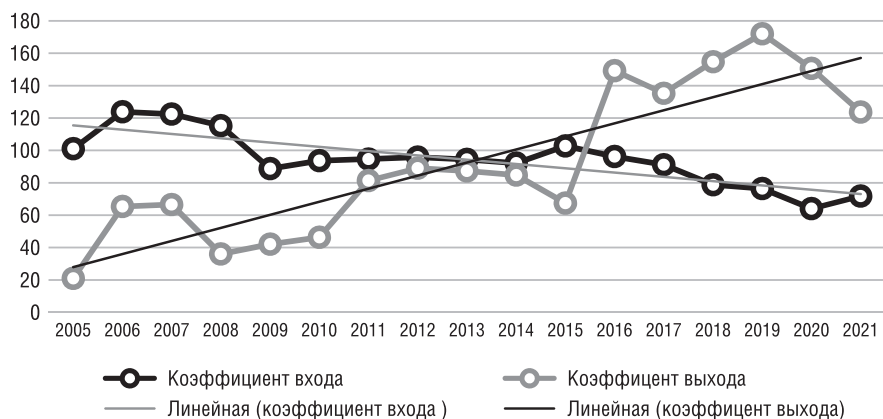
¹³ Коэффициент входа отражает отношение числа регистраций новых компаний к среднегодовому количеству действующих (в расчете на 1000 компаний).

с высокой предпринимательской активностью и сформировавшейся культурой предпринимательства [Барина и др., 2018], значительной емкостью рынков и широким разнообразием потребностей покупателей [Барина и др., 2022], высокой концентрацией МСП [Земцов и др., 2021]. Наряду с Ивановской областью оба эти региона характеризуются благоприятными институциональными условиями и низкими инвестиционными рисками [Барина и др., 2018; Земцов, Бабурин, 2019]. Все регионы-лидеры получают положительные эффекты от роста инвестиций и инноваций в соседних регионах [Демидова, Камалова, 2021]. Город Санкт-Петербург, обладая развитой венчурной инфраструктурой [Земцов и др., 2020], в последние годы проводил активную политику поддержки МСП [Земцов и др., 2021], Ивановская область успешно развивала различные онлайн-бизнес-модели в секторе МСП, а Вологодская область энергично привлекала инвестиции, используя выгоды достаточно крупного потребительского рынка и сохранившиеся производственные фонды [Земцов, Смелов, 2021].

Чукотский автономный округ и Магаданская область — это изолированные, труднодоступные, удаленные от крупных рынков дальневосточные регионы, в которых традиционно низок уровень предпринимательской активности, высоки издержки ведения бизнеса [Земцов, Бабурин, 2019], слаба занятость населения в секторе МСП [Земцов и др., 2021]. Как и Ставропольский край, эти регионы характеризуются высокой долей теневого сектора и неформальной занятости [Барина и др., 2022; Земцов, Бабурин, 2019], что может исказить статистику входа фирм. Ставропольский край и Республика Калмыкия — регионы со слаборазвитой промышленностью, преимущественно аграрной специализацией, при этом Республика Калмыкия находится в неблагоприятных климатических условиях [Земцов, Смелов, 2018].

Среднее значение абсолютного показателя входа в целом по стране в рассматриваемом периоде составляло около 94 новых организаций на 1000 действующих. Линия тренда этого индикатора на рис. 2 отражает поступательное снижение относительного числа регистраций на протяжении последних пятнадцати лет. Также заметно, что экономически благополучный период (2005–2008 годы) и периоды восстановительного роста (2010–2012 и 2021 годы) характеризуются увеличением значений этого показателя в целом по стране, а периоды кризисов и локальных рецессий — резким снижением¹⁴.

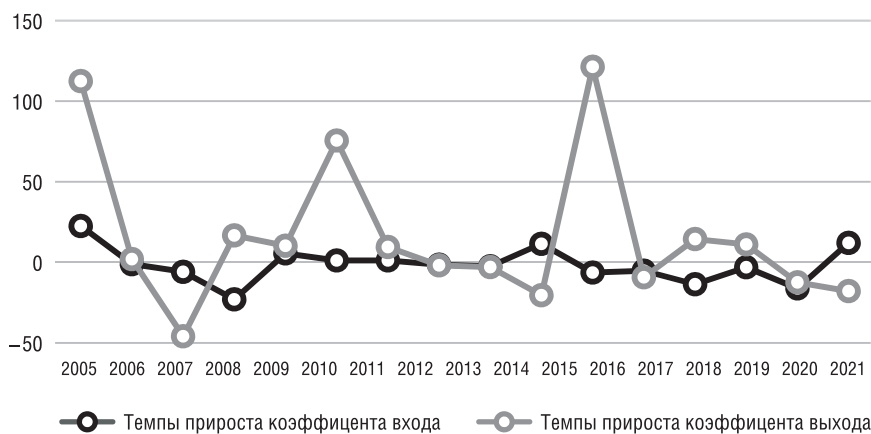
¹⁴ Аналогичные тенденции выявлены и в работах [Образцова, Чепуренко, 2020; Общество и пандемия., 2020].

Источник: расчеты автора по данным ФСТС. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pok-demo-org.html>.

Рис. 2. Динамика абсолютных значений коэффициентов входа и выхода в РФ, 2005–2021 годы

Fig. 2. Change in Absolute Values of Entry and Exit Rates in the Russian Federation, 2005–2021

Источник: расчеты автора по данным ФСТС. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pok-demo-org.html>.

Рис. 3. Темпы прироста значений коэффициентов входа и выхода в РФ, 2006–2021 годы (% к предыдущему году)

Fig. 3. Growth of Entry and Exit Rates in the Russian Federation, 2006–2021 (% change year-over-year)

На рис. 3 можно увидеть, что значения ежегодных темпов прироста коэффициента входа компаний на протяжении периода 2006–2021 годов в целом по России были близки к нулю или находились в отрицательной области (за исключением периодов 2006, 2014–2016 и 2021 годов). Среднее значение темпов прироста ко-

эффициента входа в целом по стране в рассматриваемом периоде составляло –1,52. При этом в региональном разрезе динамика темпов изменения этого показателя была разнонаправленной (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Регионы РФ (топ-20) с максимальными и минимальными средними темпами прироста коэффициента входа, 2006–2021 годы (%)

T a b l e 2

Regions of the Russian Federation (Top-20) With Maximum and Minimum Average Growth Rates for Entries, 2006–2021 (%)

Регион с максимальными средними темпами прироста		Регион с минимальными средними темпами прироста	
Республика Калмыкия	12,33	Брянская область	–5,99
Республика Ингушетия	11,54	Чувашская Республика	–5,33
Карачаево-Черкесская Республика	8,70	Сахалинская область	–5,25
Республика Дагестан	6,58	Калининградская область	–5,18
Республика Тыва	6,30	Кировская область	–5,00
Магаданская область	4,85	Республика Коми	–4,78
Чеченская Республика	4,80	Пермский край	–4,55
Республика Северная Осетия	3,92	Владимирская область	–4,37
Чукотский автономный округ	3,85	Томская область	–4,36
Липецкая область	3,44	Архангельская область	–4,33
Республика Адыгея	2,89	Саратовская область	–4,31
Кабардино-Балкарская Республика	2,84	Республика Карелия	–4,28
Республика Бурятия	2,77	Красноярский край	–3,97
г. Москва	2,00	Вологодская область	–3,90
Республика Алтай	2,00	Новосибирская область	–3,86
Ленинградская область	1,70	Астраханская область	–3,80
Курская область	1,43	Тюменская область	–3,72
Курганская область	0,77	Хабаровский край	–3,49
Удмуртская Республика	0,18	Костромская область	–3,39
Краснодарский край	0,13	Волгоградская область	–3,34

Источник: расчеты автора по данным ФЦИС. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pok-demo-org.html>.

В ряде регионов вопреки общероссийской тенденции в наблюдаемом периоде зафиксирована положительная динамика средних темпов прироста коэффициента входа, то есть числа вновь созданных компаний, нормированных по среднегодовому значению действующих компаний (табл. 2). Среди таких регионов присутствуют субъекты РФ с разным экономическим и производственным потенциалом, количеством и составом природных, финансовых и трудовых ресурсов, что затрудняет выявление общих законо-

мерностей, объясняющих положительную динамику средних темпов прироста коэффициентов входа. Можно предположить, что для регионов с изначально низкими показателями входа новых компаний наблюдаемое обстоятельство может объясняться эффектом базы¹⁵, а для регионов, являющихся привлекательными для организации хозяйственной деятельности, — высоким уровнем деловой активности и их экономическим потенциалом. Установление этих причин требует отдельного исследования с использованием дополнительных качественных индикаторов.

По основной же части регионов ситуация в целом соответствовала общероссийской: темпы прироста количества вновь создаваемых организаций находились в отрицательной области на протяжении всего рассматриваемого периода. Также на рис. 2 видно, что годом наибольшего спада в абсолютном числе созданных организаций за всё наблюдаемое время стал 2020-й — как в общероссийском масштабе, так и в разрезе отдельных регионов, за исключением Вологодской, Калининградской, Курской и Мурманской областей, в которых был зафиксирован рост этого показателя в 2020 году. Рекордно с 2015 года сократилась и занятость в сфере МСП [Российская экономика..., 2022].

После 2016 года *абсолютные показатели выхода* компаний в целом по России стали устойчиво превышать абсолютные показатели входа. Аналогичная тенденция с этого момента фиксируется и в темпах прироста обоих индикаторов (кроме 2020 года).

Среднее абсолютное значение коэффициента выхода в целом по стране в период 2005–2021 годов составляло около 93, что примерно соответствует среднему абсолютному значению коэффициента входа. Данные табл. 3 демонстрируют, что регионами — лидерами по средним темпам прироста относительного числа вышедших компаний в анализируемом периоде со значительным отрывом от других субъектов Федерации стали города Москва и Санкт-Петербург, а наименьшие темпы выхода наблюдались в Республике Тыва и Брянской области¹⁶.

¹⁵ Так, например, Республика Калмыкия, Магаданская область и Чукотский автономный округ, занимая низшие позиции в рейтинге регионов по критерию абсолютных значений коэффициента входа новых компаний, являются лидерами по темпам прироста этого показателя.

¹⁶ Здесь необходимо уточнить, что основанием для прекращения деятельности, снятия со статистического учета и исключения записи из статистического реестра обычно выступают: ликвидация юридического лица (в том числе по причине банкротства); реорганизация юридического лица; *исключение юридического лица из реестра решением регистрирующего органа*, в том числе: (а) в связи с невозможностью ликвидации юридического лица; (б) в связи с наличием сведений, в отношении которых внесена запись о недостоверности; (в) *недействующих юридических лиц*; (г) *исключенных по прочим основаниям*.

Т а б л и ц а 3

Регионы РФ (топ-20) с максимальными и минимальными средними темпами прироста коэффицента выхода, 2006–2021 годы (%)

T a b l e 3

Regions of the Russian Federation (Top-20) With Maximum and Minimum Average Growth Rates for Exits, 2006–2021 (%)

Регион с максимальными средними темпами прироста		Регион с минимальными средними темпами прироста	
г. Санкт-Петербург	122,37	Республика Тыва	3,57
г. Москва	116,92	Брянская область	6,57
Магаданская область	81,87	Владимирская область	6,88
Республика Дагестан	72,01	Новгородская область	7,62
Камчатский край	71,47	Тамбовская область	7,99
Мурманская область	61,82	Республика Адыгея	8,58
Приморский край	58,56	Белгородская область	10,34
Чеченская Республика	56,66	Пензенская область	10,36
Ленинградская область	44,74	Самарская область	11,97
Московская область	42,27	Курганская область	12,20
Республика Саха (Якутия)	40,84	Костромская область	12,47
Свердловская область	37,63	Республика Бурятия	13,11
Тверская область	35,13	Рязанская область	13,36
Новосибирская область	34,62	Волгоградская область	13,60
Липецкая область	33,93	Республика Марий Эл	13,82
Республика Ингушетия	33,62	Сахалинская область	13,82
Нижегородская область	32,63	Чувашская Республика	14,10
Краснодарский край	32,36	Кемеровская область	14,40
Челябинская область	32,09	Чукотский автономный округ	14,79
Кабардино-Балкарская Республика	31,47	Республика Башкортостан	15,14

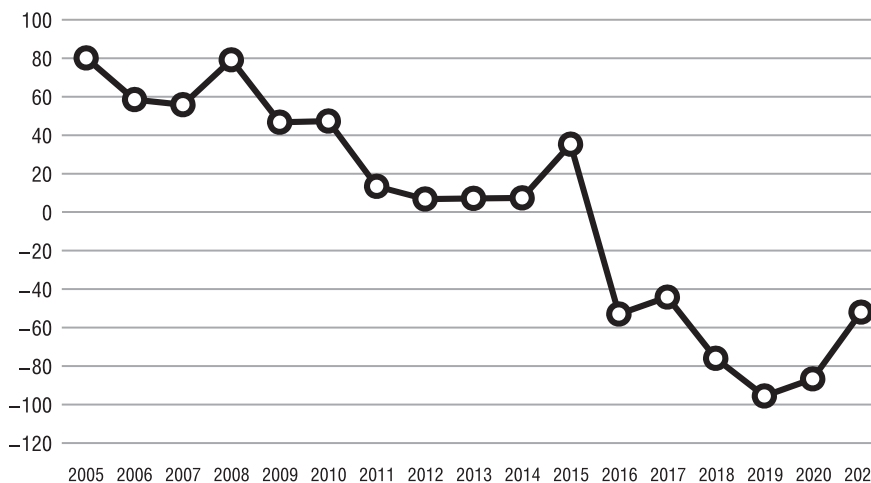
Источник: расчеты автора по данным ФСГС. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pok-demo-0rg.html>.

По мнению автора, эти результаты объясняются тем, что Москва и Санкт-Петербург традиционно характеризовались как высокими абсолютными параметрами входа и выхода, так и высокими темпами их прироста. Такие значения входа компаний в этих регионах обусловлены емкостью рынков, развитой предпринимательской инфраструктурой, благоприятным деловым климатом и др. Однако оба региона отличаются и значительным уровнем конкуренции, относительно высокой стоимостью ресурсов (производственных и торговых площадей, расходов на оплату труда и т. д.), что в значительной мере определяет количество предпринимательских неудач. Согласно исследованию [Образцова, Чепуренко, 2020b], в указанных регионах выявлено сильное влияние на предпринимательскую активность показателя социально-экономического благополучия населения. Поскольку в последние

годы реальные доходы населения снижались, это могло соответствующим образом сказаться на росте темпов выхода компаний. Также в Москве в последние годы фиксировалось значительное сокращение сектора малого и среднего предпринимательства [Земцов и др., 2021].

Брянская область характеризуется стабильностью параметров демографии компаний — низким средним уровнем как входа, так и выхода хозяйствующих субъектов. Республика Тыва входит в десятку российских регионов с самым низким в стране уровнем социально-экономического развития и в тройку (наряду с Еврейской автономной областью и Чукотским автономным округом) регионов с наименьшим средним за анализируемый период количеством действующих коммерческих компаний. Последнее обстоятельство отчасти объясняет и низкий средний прирост числа выходов компаний.

На рис. 2 также видно, что линия тренда коэффициента выхода отражает поступательный рост относительного числа выбывающих компаний на протяжении последних пятнадцати лет. При этом в 2016 году зафиксирован аномальный всплеск числа прекративших деятельность организаций. По оценкам некоторых исследователей, это обстоятельство связано именно с указанным ранее исключением компаний из статистического реестра по решению регистрирующего органа — Федеральной налоговой службы, начавшей работу по очистке реестра от хозяйствующих субъектов,

Источник: расчеты автора по данным ФСГС. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pok-demo-org.html>.

Рис. 4. Динамика абсолютных значений коэффициента чистого входа в РФ, 2005–2021 годы

Fig. 4. Change in Absolute Values for Net Entry Rates in the Russian Federation, 2005–2021

деятельность которых была фактически прекращена, однако они не были сняты с регистрации (так называемые брошенные предприятия). В результате резко возросло число официальных ликвидаций, отражающее выход фактически давно прекративших деятельность компаний [Бессонова и др., 2021].

Таким образом, в исследуемом периоде 2005–2021 годов в целом по Российской Федерации абсолютные значения показателя чистого входа¹⁷ демонстрировали динамику снижения с 80 до –55 пунктов (рис. 4), несмотря на то что среднее абсолютное значение этого индикатора в пятнадцатилетнем периоде составило лишь –1,8. Максимальные средние по годам абсолютные значения чистого входа были зафиксированы в Республике Бурятия (31,53), Чеченской Республике и Республике Татарстан (около 30), Республике Ингушетия, Московской и Вологодской областях (около 23), а минимальные — в Республике Калмыкия (–51,20), Республике Алтай (–42,76) Магаданской области (–24,92), городе Москве и Тверской области (около –12).

3. Эконометрическая оценка влияния факторов входа и выхода компаний на динамику ВРП

В качестве теоретической основы предлагаемой эконометрической модели использована неоклассическая модель экономического роста Солоу — Свона [Solow, 1956; Swan, 1956], основанная на предположении о взаимозаменяемости базовых факторов производства (труда и капитала). Помимо этих факторов российские исследователи выделяют ряд дополнительных, позволяющих учесть региональную специфику при моделировании динамики ВРП. В их числе: состояние межрегиональной торговли [Изотов, 2018], различные технологические и институциональные факторы [Божечкова, 2013; Демидова, Камалова, 2021; Земцов, 2020; Земцов, Смелов, 2018]; среднедушевые доходы населения и платежеспособный спрос [Бенц, 2020; Галазова, 2012; Ивченко, 2019; Трегуб, Иако, 2022], бюджетные расходы регионов [Васильева и др., 2022; Ивченко, 2019; Невьянцева, Радковская, 2020], уровень инновационного и технологического развития региона [Демидова, Камалова, 2021; Kaneva, Untura, 2018].

Особая роль в экономическом росте и развитии регионов, по мнению ряда российских исследователей, принадлежит фактору человеческого капитала. В качестве его показателей и прокси-переменных используется широкий спектр индикаторов — от об-

¹⁷ Определяется как разница между коэффициентами входа и выхода.

разовательного уровня населения, числа обучающихся, длительности обучения и пр. [Базуева, Радионова, 2020; Бураков и др., 2019; Божечкова, 2013; Луговой и др., 2007; Kaneva, Untura, 2018] до соотношения численности городского и сельского населения регионов [Демидова, Камалова, 2021; Земцов, Смелов, 2018]. Следует отметить, что оценки значимости и вектора влияния человеческого капитала на региональный экономический рост зачастую расходятся. Это обстоятельство может быть связано как с различиями в применяемой методологии, так и с тем, что анализ зачастую охватывает разные временные интервалы и, соответственно, разные этапы экономического развития регионов.

Базовая спецификация предлагаемой модели:

$$\widehat{GRP}_{i,t} = \widehat{\alpha}_{1i,t} + \widehat{\alpha}_{2i} Work_{i,t} + \widehat{\alpha}_3 Invest_{i,t} + \\ + \widehat{\alpha}_4 Enter_{i,t-1} + \widehat{\alpha}_5 Exit_{i,t-1} + \gamma_i + e_{i,t}.$$

Зависимой переменной выступают темпы прироста реального ВРП в i -м регионе РФ в t -м году ($GRP_{i,t}$). В качестве базовых объясняющих переменных использованы по годам и регионам темпы прироста занятости ($Work_{i,t}$) и инвестиций в основной капитал ($Invest_{i,t}$). В качестве переменных динамики входа и выхода, влияние которых изучается в настоящем исследовании, выступили темпы прироста коэффициентов входа ($Enter_{i,t-1}$) и выхода ($Exit_{i,t-1}$).

Для устранения потенциальной проблемы эндогенности, обусловленной возможными обратными причинно-следственными связями между показателями экономического роста и динамики входа и выхода компаний, последние приняты с временным лагом в один год. Модель также учитывает ненаблюдаемые индивидуальные различия регионов (фиксированные эффекты) γ_i и случайную ошибку $e_{i,t}$.

В целях повышения надежности оценок и учета потенциального влияния иных факторов экономического роста регионов рассмотрены и другие спецификации модели, включающие в себя ряд контрольных переменных: реальные денежные доходы населения ($Incom_{i,t-1}$)¹⁸, принятые с временным лагом в один год; темпы прироста потребительских расходов домохозяйств в среднем на одного члена ($P_{i,t}$)¹⁹; долю расходов на национальную экономику в совокупных расходах региональных бюджетов ($B_B_rate_{i,t}$)²⁰; ин-

¹⁸ <https://www.fedstat.ru/indicator/31422>.

¹⁹ Рассчитано по данным: <https://www.fedstat.ru/indicator/34007>. Стоимостные значения приведены к базовому периоду (2005 году) с помощью ИПЦ.

²⁰ Рассчитано по данным: Статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели» по годам. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.

дикаторы, характеризующие человеческий капитал регионов, — темпы прироста доли городского населения в общей численности населения ($N_p_urban_{i,t}$)²¹; долю лиц с высшим образованием в общей численности занятых региона ($Edu_{i,t}$)²².

Модель охватывает период 2006–2020 годов. Парные корреляции приведены в табл. 4, описательные статистики — в табл. 5. Диагностика коллинеарности по Белсли — Ку — Велшу не выявила сильной или умеренно сильной зависимости между регрессорами модели.

Т а б л и ц а 4

Матрица парных корреляций

T a b l e 4

Matrix of Paired Correlations

GRP	Invest	Work	Enter	Exit	Incom	P	B_B_rate	Edu	N_p_urban	
1,000	0,488	0,301	0,287	0,156	0,490	0,372	-0,040	-0,194	0,004	GRP
	1,000	0,175	0,141	0,079	0,359	0,227	-0,032	-0,141	-0,017	Invest
		1,000	0,113	0,063	0,178	0,135	-0,011	-0,034	-0,006	Work
			1,000	0,274	0,323	0,079	-0,101	-0,166	0,018	Enter
				1,000	0,112	0,048	-0,087	-0,015	-0,031	Exit
					1,000	0,428	-0,092	-0,313	-0,054	Incom
						1,000	-0,050	-0,160	-0,016	P
							1,000	0,174	0,001	B_B_rate
								1,000	-0,007	Edu
									1,000	N_p_urban

Т а б л и ц а 5

Описательные статистики переменных

T a b l e 5

Descriptive Statistics for Variables

Переменная	Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
GRP	2,58	4,91	-19,6	26,4
Work	-0,04	4,26	-28,1	63,0
Invest	5,34	20,2	-66,1	140,0
Enter	-1,24	19,1	-64,7	181,0
Exit	30,0	109,4	-88,0	1603
Incom	3,27	7,09	-18,4	32,4
P	4,16	15,4	-70,8	215,0
B_B_rate	0,174	0,0647	0,0175	0,869
Edu	28,7	5,97	15,7	51,8
N_p_urban	0,164	1,22	-10,2	32,3

²¹ Рассчитано по данным: <https://www.fedstat.ru/indicator/36057>.

²² https://rosstat.gov.ru/labour_force.

В табл. 6 представлены результаты оценивания четырех вариантов спецификации модели. Заметно прерывание монотонного убывания значений информационного критерия Шварца в четвертой спецификации в силу увеличения числа регрессоров до девяти и возрастания сложности модели. При этом информационный критерий Акаике (в меньшей степени «штрафующий» свободные параметры модели) указывает на более высокое качество четвертой спецификации. Также заметно, что оценки коэффициентов перед объясняющими переменными и векторы влияния этих переменных во всех спецификациях сравнительно близки.

В соответствии с неоклассическим подходом ожидалось положительное влияние на зависимую переменную факторов роста инвестиций в основной капитал и занятости. Оценка базовых переменных модели показала, что изменение фактора капитала

Т а б л и ц а 6

Результаты оценивания модели

Table 6

Зависимая переменная GRP	Варианты спецификации модели			
	1	2	3	4
Const	1,991*** (0,047)	1,809*** (0,078)	2,472*** (0,326)	4,480*** (1,192)
Work	0,262*** (0,051)	0,230*** (0,040)	0,218*** (0,039)	0,216*** (0,037)
Invest	0,111*** (0,009)	0,101*** (0,008)	0,085*** (0,007)	0,083*** (0,007)
Enter (t – 1)		0,048*** (0,013)	0,051*** (0,012)	0,049*** (0,012)
Exit (t – 1)		0,006*** (0,001)	0,004*** (0,001)	0,004*** (0,001)
Incom (t – 1)			0,053*** (0,016)	0,037* (0,018)
P			0,061*** (0,014)	0,060*** (0,014)
B_B_rate			–5,335*** (1,797)	–4,848*** (1,835)
Edu				–0,071* (0,039)
N_p_urban				0,117** (0,053)
Число наблюдений	1196	1115	1105	1105
LSDV R ²	0,34	0,38	0,42	0,43
Within-R ²	0,29	0,33	0,37	0,38
Стандартная ошибка модели	4,09	3,91	3,72	3,71
Критерий Шварца	7261	6705	6559	6568
Критерий Акаике	6843	6283	6123	6122

Примечания: 1. В скобках указаны робастные стандартные ошибки. 2. *** — $p < 0,01$, ** — $p < 0,05$, * — $p < 0,1$.

в исследуемый период на 1% повышало темпы прироста ВРП примерно на 0,08%, а изменение фактора труда — на 0,2% (наиболее значимый фактор).

Также предполагалось, что с изменением ВРП будет положительно связан фактор изменения реальных доходов населения, что установлено в исследованиях ряда отечественных авторов (см., например, [Базуева, Радионова, 2020; Ивченко, 2019])²³. Модель подтвердила такое влияние: изменение реальных денежных доходов населения на 1% приводило к изменению темпов прироста ВРП в будущем периоде примерно на 0,04%.

В соответствии с кейнсианской концепцией, отмечающей положительное влияние платежеспособного спроса на экономический рост за счет мультипликативного воздействия на производство и занятость, ожидалось соответствующее влияние и фактора потребительских расходов²⁴. Оценки модели показали, что изменение роста среднедушевых потребительских расходов домохозяйств на 1% приводило в анализируемом периоде к росту ВРП в среднем на 0,06%.

Оказалось значимым и отрицательным влияние доли расходов на национальную экономику в совокупных расходах региональных бюджетов. Этот результат противоречит результатам отдельных исследований, в которых выявлена положительная роль в экономическом росте регионов как совокупных бюджетных расходов²⁵, так и их отдельных компонентов, например расходов на социальные нужды²⁶. Однако результат, полученный в настоящей работе, согласуется с данными исследования [Васильева и др., 2022], авторы которого, поддерживая тезис о потенциальном положительном влиянии госрасходов на экономический рост, отмечают, что в российских регионах расходы на национальную экономику являются фактором, препятствующим росту в краткосрочной и среднесрочной перспективе в силу неэффективной работы финансируемых секторов экономики (в частности, ЖКХ).

Оценки факторов, связанных с человеческим капиталом, показали в модели разнонаправленное влияние.

Так, темпы прироста доли городского населения значимо и положительно влияли на экономический рост в регионах — измене-

²³ Следует отметить, что в исследовании [Трегуб, Иако, 2022] влияние этого фактора признается незначимым и ухудшающим тестовые статистики при включении его в различные спецификации моделей.

²⁴ Положительное влияние этого фактора подтверждается и в работе [Трегуб, Иако, 2022].

²⁵ См., например, [Невянцева, Радковская, 2020].

²⁶ См., например, [Ивченко, 2019].

ние этой доли на 1% приводило к росту ВРП на 0,11%. К аналогичному выводу о положительном влиянии этого фактора приходят и авторы работы [Демидова, Камалова, 2021], объясняя его более высокой производительностью труда городского населения, а также авторы статьи [Земцов, Смелов, 2018], утверждающие, что сконцентрированный в крупных городах человеческий капитал значим для развития российских регионов.

Вместе с тем индикатор доли лиц с высшим образованием в общей численности занятых региона продемонстрировал в анализируемом периоде отрицательное влияние на региональный экономический рост. В этом результате имеется определенный парадокс, поскольку более квалифицированные трудовые ресурсы должны создавать и лучшие возможности для экономического роста и развития регионов. На это обстоятельство ссылаются в работе [Луговой и др., 2007], в которой установлено положительное влияние показателей числа аспирантов на 10 тыс. чел. и доли лиц с послевузовским образованием, и в исследовании [Божечкова, 2013. С. 96], где подтверждена значимость высшего образования для экономического роста регионов, специализирующихся на обрабатывающих отраслях промышленности.

Однако, по всей видимости, такое влияние зависит от специфики экономического развития российских регионов.

Так, авторы работы [Базуева, Радионова, 2020], получив обратную зависимость между количеством занятых с высшим образованием в экономике региона и ВРП, объясняют это обстоятельство тем, что регионы ориентируются в своем развитии прежде всего на иные факторы, нежели человеческий капитал. Также в исследовании [Земцов, Смелов, 2018. С. 99] установлено, что влияние доли занятого городского населения с высшим образованием значительно уменьшилось, поскольку сократилась отдача от ставшего повсеместным высшего образования и в последние годы развивались отрасли и регионы, не требующие высокой доли работников с высшим образованием. Отрицательное влияние человеческого капитала на региональный экономический рост выявлено и в работе [Бураков и др., 2019].

Что касается показателей динамики компаний, то автор настоящей статьи прогнозировал положительное влияние темпов изменения коэффициента входа и отрицательное — коэффициента выхода.

Демографическая динамика компаний влияла на параметры ВРП в последующий год таким образом: увеличение темпов прироста коэффициента входа на 1% повышало темпы прироста ВРП

в регионах выборки в среднем на 0,05%. При этом, вопреки ожиданиям, фактор выхода компаний также положительно влиял на динамику темпов прироста ВРП, что может свидетельствовать о выходе в первую очередь малопродуктивных компаний с низкой производительностью. Этот тезис подтверждается результатами ряда исследований в различных секторах, согласно которым средняя производительность в сегменте компаний, покинувших отрасль, ниже средней производительности выживших²⁷. Очевидно, что изначальная производительность большинства новых фирм весьма низка. Выход малопродуктивных компаний с низкими показателями роста приводит к перераспределению производственных ресурсов и объемов выпуска в пользу выживших и более продуктивных компаний, увеличивая рыночные доли последних. Выжившие компании, в свою очередь, со временем не только догоняют по производительности старожилов²⁸, но и получают шанс выйти в отраслевые лидеры. В конечном счете эти процессы приводят к приросту суммарной производительности отрасли, что положительно сказывается на соответствующих параметрах совокупного экономического роста.

Необходимо отметить, что, несмотря на значимость и сопоставимость оценок коэффициентов во всех вариантах спецификации модели, возможна их неполнота, пропуск других потенциально значимых переменных. К последним следует отнести как уже упомянутые выше институциональные и технологические характеристики регионов, уровень развития межрегиональной торговли, так и отдельные социальные, демографические, географические и природные характеристики. При этом включение отдельных из указанных индикаторов в модель ограничено по причинам отсутствия достоверной статистики или возникающей проблемы мультиколлинеарности. Следует допускать, что в альтернативных вариантах спецификации модели могут наблюдаться определенные изменения в оценках влияния динамики входа и выхода компаний на региональный экономический рост. Однако предсказать вектор таких изменений без специального исследования сложно. Вероятно, не полностью устранена и потенциальная проблема эндогенности как из-за пропусков отдельных существенных пере-

²⁷ См., например, [Бессонова и др., 2021; Baldwin, Gu, 2006].

²⁸ Так, исследования по странам Европейского союза демонстрируют, что с учетом отраслевых, территориальных и временных условий молодые выжившие фирмы в Бельгии и Франции примерно через 10 лет приближаются к уровню производительности фирм, действующих свыше 20 лет. При этом в Италии и Испании этот процесс занимает гораздо больше времени [Modery et al., 2021].

менных (в том числе ненаблюдаемых), так и в силу возможного наличия двусторонней причинно-следственной связи между темпами изменения ВРП и потребительских расходов в регионах.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сформулировать следующие основные выводы.

1. Наблюдаемое замедление темпов роста российской экономики, закрепляя ее отставание от мировой, негативно сказывается на перспективах достижения долгосрочных целей социально-экономического развития страны. Такое отставание будет еще ярче проявляться на региональном уровне в силу значительной дифференциации российских регионов.

2. Для прерывания негативных тенденций необходима реализация адекватной региональной политики экономического роста, одним из инструментов которой может выступить ускорение динамики компаний. Результаты моделирования показали, что последняя являлась фактором регионального экономического роста. Наряду с базовыми факторами роста ВРП: уровнем занятости, инвестициями в основной капитал, реальными денежными доходами населения и потребительскими расходами домохозяйств — заметно влияние и нормированных показателей входа и выхода компаний.

3. Установлено, что в период 2005–2021 годов динамика создания новых компаний в российских регионах существенно различалась, при этом зафиксирована практически двукратная разница в абсолютных значениях коэффициентов входа между регионами-лидерами и регионами-аутсайдерами.

Сравнения по регионам и годам темпов прироста коэффициентов входа и выхода компаний с темпами прироста ВРП указывают на проциклический характер динамики первого (до 2016 года) и умеренно контрциклический характер динамики второго.

Средние за период 2005–2021 годов значения индикаторов входа и выхода компаний по субъектам РФ демонстрировали сравнительно близкую динамику, что соответствующим образом отразилось и на среднем уровне показателя чистого входа (–1,8). Однако после 2016 года абсолютные показатели выхода компаний в целом по Российской Федерации стали устойчиво превышать абсолютные показатели входа. Аналогичная тенденция с этого момента стала фиксироваться и в темпах прироста обоих индикаторов (кроме постковидного 2021 года).

4. В связи со сложившейся геополитической обстановкой в перспективе следует ожидать усиления влияния на предприни-

мательскую и инвестиционную активность в России факторов внешней конъюнктуры мировых рынков и неопределенности экономической ситуации внутри страны. Российская экономика может оказаться в условиях длительной изоляции от мировых финансовых и потребительских рынков, дефицита важнейших производственных ресурсов, что способно негативным образом сказаться на развитии отраслевой динамики. Экономические предпосылки для преодоления негативных тенденций могут быть сформированы в тех отраслях и регионах, где эффективно решаются проблемы поддержания деловой активности и сохранения рабочих мест, стимулирования притока молодых и инновационных компаний с высоким потенциалом роста. Представляется, что будущее регионального экономического развития будет зависеть не столько от общего числа вновь создаваемых компаний, сколько от успешно выживающих и быстро развивающихся на начальных этапах своего жизненного цикла. Поэтому государственная политика в этой области должна ориентироваться на повышение доли сегмента российских компаний именно с высоким потенциалом роста, а также его приоритетную поддержку и развитие.

5. Сегодня известен целый ряд потенциальных направлений формирования, развития и повышения устойчивости качественного российского предпринимательства. Российскими экономистами сформулированы ключевые принципы совершенствования государственной политики в отношении малого предпринимательства (см., например, [Образцова, Чепуренко, 2020a]), а также выработки ее эффективных мер (см., например, [Земцов и др., 2020]). Справедливо отмечается, что в силу различий региональных условий осуществления предпринимательства в РФ необходима адаптация таких мер для разных типов регионов и региональных предпринимательских экосистем [Образцова, Чепуренко, 2020a]. Целевыми ориентирами современной российской политики в области развития и поддержки предпринимательства должны выступать «повышение плотности и связанности бизнес-агентов, масштабирование действующих бизнесов, повышение их разнообразия и технологическое усложнение» [Земцов и др., 2021. С. 89].

Способствовать достижению этих целей будут улучшение условий предпринимательства в России и снижение рисков для бизнеса; упрощение административных процедур, включая проверки, лицензирование и получение разрешений [Земцов и др., 2021]; расширение доступа к финансовым ресурсам; развитие инфраструктуры поддержки стартапов, цифровая трансформация бизнеса, сокращение цифрового неравенства в регионах; широкая

популяризация предпринимательства [Антонова и др., 2020; Земцов и др., 2020].

Некоторые шаги нашли свое отражение в принятых в 2022 году антикризисных мерах Правительства РФ.

Так, среди инструментов правительственных мер, потенциально *способствующих входу новых компаний*, следует упомянуть мораторий на проверки соблюдения коммерческими компаниями валютного законодательства, смягчение ответственности за совершение правонарушений в области предпринимательской деятельности, льготное кредитование, программы повышения цифровой грамотности предпринимателей и поддержки использования цифровых инструментов для запуска и развития онлайн-бизнеса.

Среди инструментов, потенциально *способствующих выживанию компаний*, можно выделить продление срочных лицензий и разрешений, изменение сроков подтверждения компаниями их соответствия лицензионным требованиям; мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям кредиторов; освобождение от уплаты таможенных пошлин в отношении производственных ресурсов, ввозимых в рамках реализации инвестиционных проектов; упрощение механизма заключения специальных инвестиционных контрактов.

Для сектора информационных технологий отдельно предусмотрены инструменты налогового стимулирования, упрощение порядка трудоустройства иностранных специалистов, выделение грантов на перспективные разработки, исключение из плана текущих проверок и надзорных мероприятий. Для системообразующих компаний запланировано предоставление кредитов по льготным ставкам и госгарантий, субсидирование отдельных производственных расходов.

Представляется, что сформированный портфель мер выступит катализатором динамики российских компаний, которая, в свою очередь, положительно скажется на экономическом росте и развитии регионов.

Литература

1. Антонова М. П., Баринаева В. А., Громов В. В., Земцов С. П., Красносельских А. Н., Милоголов Н. С., Потапова А. А., Царева Ю. В. Развитие малого и среднего предпринимательства в России в контексте реализации национального проекта. М.: Дело, 2020.
2. Базуева Е. В., Радионова М. В. Эконометрическая оценка влияния социальных индикаторов на динамику регионального экономического роста (на примере субъектов Приволжского федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 56–70.

3. Баринаева В. А., Гладкий А. С., Демидова К. В., Земцов С. П., Михайлов А. А., Петросян Л. Г., Петряева А. В., Семенова Р. И., Хлал Ш., Царева Ю. В. Малый и средний бизнес в регионах России: тренды, драйверы и антикризисная политика: национальный доклад. М.: РАНХиГС; АИРР, 2022.
4. Баринаева В. А., Земцов С. П., Царева Ю. В. Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России? // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 92–116.
5. Бенц Д. С. Моделирование факторов экономического роста регионов Урала и РФ // Journal of New Economy. 2020. Т. 21. № 3. С. 112–131.
6. Бессонова Е. В., Мякишева С. М., Цветкова А. Н. Кто выходит с рынка в период пандемии // Вопросы экономики. 2021. № 10. С. 113–133.
7. Божечкова А. В. Эконометрическое моделирование влияния человеческого капитала на экономический рост в регионах России // Аудит и финансовый анализ. 2013. № 1. С. 90–99.
8. Бураков Н. А., Бухвальд Е. М., Кольчугина А. В., Рубинштейн А. Я., Славинская О. А., Слуцкий Л. Н. Региональный индекс экономического развития и ранжирование субъектов Российской Федерации / Под ред. Е. М. Бухвальда, А. Я. Рубинштейна (препринт). М.: Институт экономики РАН, 2019. http://www.imepi-eurasia.ru/baner/Bukhvald_Rubinstein_paper_2019.pdf.
9. Васильева Р. И., Войтенков В. А., Уразбаева А. Р. Влияние структуры государственных расходов на экономический рост в российских регионах // Общество и экономика. 2022. № 12. С. 125–141.
10. Виленский А. В., Домнина И. Н., Маевская Л. И. Воздействие не крупного предпринимательства на социально-экономическое развитие регионов Российской Федерации: научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018.
11. Галазова С. С. Региональные факторы экономического роста: современные тенденции // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 4. Ч. 2. С. 141–143.
12. Демидова О. А., Камалова Э. Пространственно-эконометрическое моделирование экономического роста российских регионов: имеют ли значение институты? // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 2. С. 34–59.
13. Дробышевский С., Луговой О., Астафьева Е., Полевой Д., Козловская А., Трунин П., Ледерман Л. Факторы экономического роста в регионах РФ. Публикации Консорциума по вопросам прикладных экономических исследований. М.: ИЭПП, 2005.
14. Земцов С. П. Институты, предпринимательство и региональное развитие в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 2. С. 168–180.
15. Земцов С. П., Бабурин В. Л. Предпринимательские экосистемы в регионах России // Региональные исследования. 2019. № 2. С. 4–14.
16. Земцов С. П., Смелов Ю. А. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. Т. 40. № 4. С. 84–108.
17. Земцов С. П., Царева Ю. В., Салимова Д. Р., Баринаева В. А. Занятость в малом и среднем бизнесе в России: в поисках факторов роста // Вопросы экономики. 2021. № 12. С. 66–93.
18. Земцов С. П., Чепуренко А. Ю., Баринаева В. А., Красносельских А. Н. Новая предпринимательская политика для России после кризиса 2020 года // Вопросы экономики. 2020. № 10. С. 44–67.
19. Зубаревич Н. В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. 2014. № 4. С. 7–27.
20. Зубаревич Н. В. Региональное развитие и региональная политика за десятилетие экономического роста // Журнал Новой экономической ассоциации. 2009. № 1–2. С. 161–174.

21. Зубаревич Н. В. Регионы России в период пандемии: социально-экономическая динамика и доходы бюджетов // Журнал новой экономической ассоциации. 2021. Т. 51. № 3. С. 208–218.
22. Иванова А. И., Кравченко Н. А. Влияние региональных условий на бизнес-демографию российских ИТ-компаний // Вопросы экономики. 2022. № 5. С. 79–98.
23. Ивченко Ю. С. Определение основных факторов уровня валового регионального продукта методами эконометрического моделирования по совокупности регионов Российской Федерации // Статистика и экономика. 2019. Т. 16. № 6. С. 4–18.
24. Изотов Д. А. Экономический рост и торговля российских регионов // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 92–114.
25. Лаврентьев А. С., Криничанский К. В. Экономический рост регионов: анализ на основе комплементарных факторов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2020. Т. 14. № 2. С. 28–36.
26. Луговой О., Дашкеев В., Мазаев И., Фомченко Д., Поляков Е., Хехт А. Экономико-географические и институциональные аспекты экономического роста в регионах. М.: ИЭПП, 2007.
27. Невьянцева Л. С., Радковская Е. В. Использование экономико-математического моделирования в исследовании величины валового регионального продукта // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2020. № 1. С. 147–157.
28. Образцова О. И., Чепуренко А. Ю. Политика в отношении МСП в РФ: обновление после пандемии? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020а. № 3. С. 71–95.
29. Образцова О. И., Чепуренко А. Ю. Предпринимательская активность в России и ее межрегиональные различия // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020b. Т. 14. № 2. С. 199–211.
30. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России / Под ред. В. А. Мау, Г. И. Идрисова, Я. И. Кузьминова, А. Д. Радыгина, В. А. Садовниченко, С. Г. Синельникова-Мурылева. М., 2020.
31. Российская экономика в 2021 году. Тенденции и перспективы. Вып. 43 / Под науч. ред. А. Л. Кудрина, В. А. Мау, А. Д. Радыгина, С. Г. Синельникова-Мурылева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.
32. Трегуб И. В., Иако М. Эконометрический анализ эффективности государственных мер финансового стимулирования развития региона // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26. № 3. С. 129–145.
33. Acs Z., Armington C. Employment Growth and Entrepreneurial Activity in Cities // Regional Studies. 2004. Vol. 38. No 8. P. 911–927.
34. Ashcroft B., Plotnikova M., Macritchie D. New Firm Formation in British Counties: Comparing the 1990s with the 1980s. Centre for Public Policy for Regions Working Paper. No 6. 2007.
35. Asturias J., Hur S., Kehoe T., Ruhl K. Firm Entry and Exit and Aggregate Growth. FRB of Cleveland Working Paper. No 19-03R. 2020.
36. Audretsch D., Thurik R. Linking Entrepreneurship to Economic Growth. OECD Science, Technology and Industry Working Papers. No 2. 2001.
37. Baldwin J., Gu W. Plant Turnover and Productivity Growth in Canadian Manufacturing // Industrial and Corporate Change. 2006. Vol. 15. No 3. P. 417–465.
38. Baptista R., Preto M. New Firm Formation and Employment Growth: Regional and Business Dynamics // Small Business Economics. 2011. No 36. P. 419–442.
39. Bartelsman E., Haltiwanger J., Scarpetta S. Measuring and Analyzing Cross-Country Differences in Firm Dynamics. Producer Dynamics: New Evidence From Micro Data. National Bureau of Economic Research Inc. 2009. P. 15–76.

40. *Bishop P., Shilcof D.* The Spatial Dynamics of New Firm Births During an Economic Crisis: The Case of Great Britain, 2004–2012 // *Entrepreneurship & Regional Development*. 2016. Vol. 29. No 3. P. 1–23.
41. *Brixy U., Grotz R.* Regional Patterns and Determinants of Birth and Survival of New Firms in Western Germany // *Entrepreneurship & Regional Development*. 2007. Vol. 19. No 4. P. 293–312.
42. *Business Dynamism During the COVID-19 Pandemic: Which Policies for an Inclusive Recovery?* OECD, 2021.
43. *Calvino F., Criscuolo C., Ikeuchi K., Menon C.* Start-up Dynamics in Japan: Comparative Evidence From the Dynemp V. 2 Database // *JER*. 2017. No 68. P. 188–199.
44. *Chun H., Kwon H.* Empirical Studies on Firm Dynamics, Job Creation and Productivity Growth in East Asia and Beyond: Introduction // *The Japanese Economic Review*. 2017. Vol. 68. No 2, P. 135–136.
45. *Dejardin M.* Linking Net Entry to Regional Economic Growth // *Small Business Economics*. 2011. Vol. 36. P. 443–460.
46. *Delfmann H., Koster S.* The Effect of New Business Creation on Employment Growth in Regions Facing Population Decline // *The Annals of Regional Science*. 2016. Vol. 56. P. 33–54.
47. *Estrin S., Prevezer M.* A Survey on Institutions and New Firm Entry: How and Why Do Entry Rates Differ in Emerging Markets? // *Economic Systems*. 2010. Vol. 34. No 3. P. 289–308.
48. *Gajewski P., Kutan A.* Determinants and Economic Effects of New Firm Creation: Evidence From Polish Regions // *Eastern European Economics*. 2018. Vol. 56. No 3. P. 201–222.
49. *Haltiwanger J., Jarmin R., Kulick R., Miranda J.* High Growth Young Firms: Contribution to Job Growth, Revenue Growth and Productivity // *Measuring Entrepreneurial Businesses: Current Knowledge and Challenges* / Ed. by J. Haltiwanger, E. Hurst, J. Miranda. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2015. P. 1–73.
50. *Hathaway I., Litan R.* Declining Business Dynamism in the United States: A Look at States and Metros. Washington: The Brookings Institution, 2014.
51. *Kaneva M. A., Untura G. A.* Interrelation of R&D, Knowledge Spillovers, and Dynamics of the Economic Growth of Russian Regions // *Regional Research of Russia*. 2018. Vol. 8. No 1. P. 84–91.
52. *Kharroubi E.* Growth Expectations and the Dynamics of Firm Entry. BIS Working Papers. No 1036. 2022.
53. *Krasniqi B., Lajqi S.* Gibrat's Law And Jovanovic's Learning Theory: An Empirical Test for Small Firms in A Post-conflict Economic Setting // *Ekonomski pregled*. 2018. B. 69. No 3. S. 251–268.
54. *Modery W., Valderrama M.* Key Factors Behind Productivity Trends in EU Countries. Occasional Paper Series 268. European Central Bank. 2021.
55. *Pe'er A., Vertinsky I.* Firm Exits as a Determinant of New Entry: Is There Evidence of Local Creative Destruction? // *Journal of Business Venturing*. 2008. Vol. 23. No 3. P. 280–306.
56. *Salman A., Zampatti D., Shukur G.* Macroeconomic Determinants, Innovation and the Birth of New Firms: Negative Binomial Regression Approach // *International Journal of Economics and Finance*. 2013. Vol. 5. No 11. P. 72–81.
57. *Shane S.* Why Encouraging More People to Become Entrepreneurs Is Bad Public Policy // *Small Business Economics*. 2009. Vol. 33. No 2. P. 141–149.
58. *Siemer M.* Firm Entry and Employment Dynamics in the Great Recession. FEDS Working Paper. No 56. 2014.
59. *Solow R.* A Contribution to the Theory of Economic Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. 1956. No 1. P. 65–94.
60. *Swan T.* Economic Growth and Capital Accumulation // *Economic Record*. 1956. Vol. 32. P. 334–361.

61. Van Stel A., Suddle K. The Impact of New Firm Formation on Regional Development in the Netherlands // *Small Business Economics*. 2008. Vol. 30. P. 31–47.

References

1. Antonova M. P., Barinova V. A., Gromov V. V., Zemtsov S. P., Krasnoselskikh A. N., Milogolov N. S., Potapova A. A., Tsareva Yu. V. *Razvitie malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossii v kontekste realizatsii natsional'nogo proekta [Development of Small and Medium-Sized Enterprises in Russia in the Context of the Implementation of the National Project]*. Moscow, Delo, 2020. (In Russ.)
2. Bazueva E. V., Radionova M. V. Ekonometricheskaya otsenka vliyaniya sotsial'nykh indikatorov na dinamiku regional'nogo ekonomicheskogo rosta (na primere sub'ektov Privolzhskogo federal'nogo okruga) [Econometric Assessment of Social Indicators' Influence on Regional Economic Growth Dynamics (Case Study of the Constituent Subdivisions of the Volga Federal District)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 56–70. DOI:10.15838/esc.2020.2.68.4. (In Russ.)
3. Barinova V. A., Gladkiy A. S., Demidova K. V., Zemtsov S. P., Mikhaylov A. A., Petrovskiy L. G., Petryaeva A. V., Semenova R. I., Khilal Sh., Tsareva Yu. V. *Malyi i sredniy biznes v regionakh Rossii: trendy, drayvery i antikrizisnaya politika: natsional'nyy doklad [Small and Medium-Sized Businesses in Russia's Regions: Trends, Drivers and Anti-Crisis Policy. National Report]*. Moscow, RANEP, Association of Innovative Regions of Russia, 2022. (In Russ.)
4. Barinova V. A., Zemtsov S. P., Tsareva Yu. V. Predprinimatel'stvo i instituty: est' li svyaz' na regional'nom urovne v Rossii? [Entrepreneurship and Institutions: Is There a Relationship at the Regional Level in Russia?]. *Voprosy ekonomiki*, 2018, no. 6, pp. 92–116. DOI:10.32609/0042-8736-2018-6-92-116. (In Russ.)
5. Bents D. S. Modelirovanie faktorov ekonomicheskogo rosta regionov Urala i RF [Modeling of Economic Growth Factors in the Urals and the Russian Federation]. *Journal of New Economy*, 2020, vol. 21, no. 3, pp. 112–131. (In Russ.)
6. Bessonova E. V., Myakisheva S. M., Tsvetkova A. N. Kto vykhodit s rynka v period pandemii [Market Exits During the Pandemic]. *Voprosy ekonomiki*, 2021, no. 10, pp. 113–133. DOI:10.32609/0042-8736-2021-10-113-133. (In Russ.)
7. Bozhechkova A. V. Ekonometricheskoe modelirovanie vliyaniya chelovecheskogo kapitala na ekonomicheskiy rost v regionakh Rossii [Econometric Modeling of the Impact of Human Capital on Economic Growth in the Regions of Russia]. *Audit i finansovyy analiz [Audit and Financial Analysis]*, 2013, no. 1, pp. 90–99. (In Russ.)
8. Burakov N. A., Bukhvald E. M., Kolchugina A. V., Rubinstein A. Ya., Slavinskaya O. A., Slutskiy L. N. Regional'nyy indeks ekonomicheskogo razvitiya i ranzhirovanie sub'ektov Rossiyskoy Federatsii (preprint) [Regional Index of Economic Development and Ranking of the Constituent Districts of the Russian Federation (Preprint)], ed. by E. M. Bukhvald, A. Ya. Rubinstein. *Institut ekonomiki RAN [Institute of Economics RAS]*, 2019. http://www.imepi-eurasia.ru/baner/Bukhvald_Rubinstein_paper_2019.pdf. (In Russ.)
9. Vasileva R. I., Voytenkov V. A., Urazbaeva A. R. Vliyanie struktury gosudarstvennykh raskhodov na ekonomicheskiy rost v rossiyskikh regionakh [The Influence of the Structure of Government Spending on Economic Growth in Russian Regions]. *Obshchestvo i ekonomika [Society and Economics]*, 2022, no. 12, pp. 125–141. DOI 10.31857/S020736760023432-4. (In Russ.)
10. Vilenskiy A. V., Domnina I. N., Maevskaya L. I. Vozdeystvie nekrupnogo predprinimatel'stva na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regionov Rossiyskoy Federatsii: nauchnyy doklad [The Impact of Small-Scale Entrepreneurship on the Socio-Economic Development of the Regions of the Russian Federation (Scientific Report)]. *Institut ekonomiki RAN [Institute of Economics RAS]*, 2018. (In Russ.)

11. Galazova S. S. Regional'nye faktory ekonomicheskogo rosta: sovremennye tendentsii [Regional Factors of Economic Growth: Current Trends]. *Terra Economicus*, 2012, vol. 10, no. 4, pp. 141-143. (In Russ.)
12. Demidova O. A., Kamalova E. Prostranstvenno-ekonometricheskoe modelirovanie ekonomicheskogo rosta rossiyskikh regionov: imeyut li znachenie instituty? [Spatial-Econometric Modeling of Economic Growth of Russian Regions: Do Institutions Matter?] *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 34-59. DOI:10.18288/1994-5124-2021-2-34-59. (In Russ.)
13. Drobysheskiy S., Lugovoy O., Astafeva E., Polevoy D., Kozlovskaya A., Trunin P., Lederman L. *Faktory ekonomicheskogo rosta v regionakh RF. Publikatsii Konsortsiума po voprosam prikladnykh ekonomicheskikh issledovaniy [Factors of Economic Growth in the Regions of the Russian Federation. Publications of the Consortium on Applied Economic Research]*. Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy, 2005. (In Russ.)
14. Zemtsov S. P. Instituty, predprinimatel'stvo i regional'noe razvitie v Rossii [Institutions, Entrepreneurship and Regional Development in Russia]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 2020, vol. 46, no. 2, pp. 168-180. DOI:10.31737/2221-2264-2020-46-2-9. (In Russ.)
15. Zemtsov S. P., Baburin V. L. Predprinimatel'skie ekosistemy v regionakh Rossii [Entrepreneurial Ecosystems in the Regions of Russia]. *Regional'nye issledovaniya [Regional Studies]*, 2019, no. 2, pp. 4-14. (In Russ.)
16. Zemtsov S. P., Smelov Yu. A. Faktory regional'nogo razvitiya v Rossii: geografiya, chelovecheskiy kapital ili politika regionov [Factors of Regional Development in Russia: Geography, Human Capital or Regional Politics]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 2018, vol. 40, no. 4, pp. 84-108. DOI:10.31737/2221-2264-2018-40-4-4. (In Russ.)
17. Zemtsov S. P., Tsareva Yu. V., Salimova D. R., Barinova V. A. Zanyatost' v malom i srednem biznese v Rossii: v poiskakh faktorov rosta [Small and Medium-Sized Enterprises in Russia: In Search of Employment Growth Factors]. *Voprosy ekonomiki*, 2021, no. 12, pp. 66-93. DOI:10.32609/0042-8736-2021-12-66-93. (In Russ.)
18. Zemtsov S. P., Chepurenko A. Yu., Barinova V. A., Krasnoselskih A. N. Novaya predprinimatel'skaya politika dlya Rossii posle krizisa 2020 goda [New Entrepreneurship Policy in Russia After the 2020 Crisis]. *Voprosy ekonomiki*, 2020, no. 10, pp. 44-67. DOI:10.32609/0042-8736-2020-10-44-67. (In Russ.)
19. Zubarevich N. V. Regional'noe razvitie i regional'naya politika v Rossii [Regional Development and Regional Policy in Russia]. *EKO [ECO]*, 2014, no. 4, pp. 7-27. (In Russ.)
20. Zubarevich N. V. Regional'noe razvitie i regional'naya politika za desyatiletie ekonomicheskogo rosta [Regional Development and Regional Policy in the Decade of Economic Growth]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 2009, no. 1-2, pp. 161-174. (In Russ.)
21. Zubarevich N. V. Regiony Rossii v period pandemii: sotsial'no-ekonomicheskaya dinamika i dokhody byudzhetrov [Russia During the Pandemic: Socio-Economic Dynamics and Budget Revenues]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 2021, vol. 51, no. 3, pp. 208-218. DOI:10.31737/2221-2264-2021-51-3-10. (In Russ.)
22. Ivanova A. I., Kravchenko N. A. Vliyanie regionalnykh usloviy na biznes-demografiyu rossiyskikh IT-kompaniy [The Impact of Regional Conditions on the Business Demographics of Russian IT companies]. *Voprosy ekonomiki*, 2022, no. 5, pp. 79-98. DOI:10.32609/0042-8736-2022-5-79-98. (In Russ.)
23. Ivchenko Yu. S. Opredelenie osnovnykh faktorov urovnya valovogo regional'nogo produkta metodami ekonometricheskogo modelirovaniya po sovokupnosti regionov Rossiyskoy Federatsii [Determination of the Main Factors in the Level of Gross Regional Product by Econometric Modeling Methods for a Set of Regions of the Russian Federation]. *Statistika*

- i ekonomika [Statistics and Economics]*, 2019, vol. 16, no. 6, pp. 4-18. DOI:10.21686/2500-3925-2019-6-4-18. (In Russ.)
24. Izotov D. A. Ekonomicheskiy rost i trgovlya rossiyskikh regionov [Economic Growth and Trade of Russian Regions]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 2018, no. 4, pp. 91-114. DOI:10.14530/se.2018.4.092-114. (In Russ.)
 25. Lavrentev A. S., Krinichanskiy K. V. Ekonomicheskiy rost regionov: analiz na osnove komplementarnykh faktorov [Economic Growth of Regions: Analysis Based on Complementary Factors]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seryja: Ekonomika i menedzhment [Bulletin of South Ural State University. Economics and Management Series]*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 28-36. (In Russ.)
 26. Lugovoy O., Dashkeev V., Mazaev I., Fomchenko D., Polyakov E., Khekht A. *Ekonomiko-geograficheskie i institutsionalnye aspekty ekonomicheskogo rosta v regionakh [Analysis of Economic Growth in Regions: Economic, Geographical and Institutional Aspects]*. Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy, 2007. (In Russ.)
 27. Nevyantseva L. S. Radkovskaya E. V. Ispol'zovanie ekonomiko-matematicheskogo modelirovaniya v issledovanii velichiny valovogo regional'nogo produkta [The Use of Economic and Mathematical Modeling in the Study of Gross Regional Product]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Khetagurova [Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University]*, 2020, no. 1, pp. 147-157. DOI:10.29025/1994-7720-2020-1-147-157. (In Russ.)
 28. Obratsova O. I., Chepureno A. Yu. Politika v otnoshenii MSP v RF: obnoveniye posle pandemii? [SME Policy in the Russian Federation: Renewal After the Pandemic?]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya [Public Administration Issues]*, 2020a, no. 3, pp. 71-95. (In Russ.)
 29. Obratsova O. I., Chepureno A. Yu. Predprinimatel'skaya aktivnost' v Rossii i ee mezhregional'nye razlichiya [Entrepreneurial Activity in Russia and Its Interregional Differences]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 2020b, vol. 14, no. 2, pp. 199-211. DOI:10.31737/2221-2264-2020-46-2-12. (In Russ.)
 30. Mau V. A., Idrisov G. I., Kuzminov Ya. I., Radygin A. D., Sadovnichiy V. A., Sinelnikov-Murylev S. G. (eds.). *Obshchestvo i pandemiya: opyt i uroki bor'by s COVID-19 v Rossii [Society and the Pandemic: Experience and Lessons From Fighting COVID-19 in Russia]*. Moscow, 2020. (In Russ.)
 31. Kudrin A. L., Mau V. A., Radygin A. D., Sinelnikov-Murylev S. G. (eds.). *Rossiyskaya ekonomika v 2021 godu. Tendentsii i perspektivy [The Russian Economy in 2021. Trends and Prospects]*. Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy, vol. 43, 2022. (In Russ.)
 32. Tregub I. V., Iako M. Ekonometricheskii analiz effektivnosti gosudarstvennykh mer finansovogo stimulirovaniya razvitiya regiona [Econometric Analysis of the Effectiveness of Government Incentives for the Development of a Region]. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*, 2022, vol. 26, no. 3, pp. 129-145. DOI:10.26794/2587-5671-2022-26-3-129-145. (In Russ.)
 33. Acs Z., Armington C. Employment Growth and Entrepreneurial Activity in Cities. *Regional Studies*, 2004, vol. 38, no. 8, pp. 911-927.
 34. Ashcroft B., Plotnikova M., Macritchie D. New Firm Formation in British Counties: Comparing the 1990s With the 1980s. *Centre for Public Policy for Regions Working Paper*, no. 6, 2007.
 35. Asturias J., Hur S., Kehoe T., Ruhl K. Firm Entry and Exit and Aggregate Growth. *FRB of Cleveland Working Paper*, no. 19-03R, 2020. DOI:10.2139/ssrn.3328873.
 36. Audretsch D., Thurik R. Linking Entrepreneurship to Economic Growth. *OECD Science, Technology and Industry Working Papers*, no. 2, 2001. DOI: 10.1787/736170038056.
 37. Baldwin J., Gu W. Plant Turnover and Productivity Growth in Canadian Manufacturing. *Industrial and Corporate Change*, 2006, vol. 15, no. 3, pp. 417-465. DOI: 10.1093/icc/dtj017.

38. Baptista R., Preto M. New Firm Formation and Employment Growth: Regional and Business Dynamics. *Small Business Economics*, 2011, no. 36, pp. 419-442. DOI: 10.1007/s11187-009-9254-y.
39. Bartelsman E., Haltiwanger J., Scarpetta S. *Measuring and Analyzing Cross-Country Differences in Firm Dynamics. Producer Dynamics: New Evidence From Micro Data*. National Bureau of Economic Research Inc., 2009, pp. 15-76.
40. Bishop P., Shilcof D. The Spatial Dynamics of New Firm Births During an Economic Crisis: The Case of Great Britain, 2004-2012. *Entrepreneurship & Regional Development*, 2016, vol. 29, no. 3, pp. 1-23. DOI:10.1080/08985626.2016.1257073.
41. Brixy U., Grotz R. Regional Patterns and Determinants of Birth and Survival of New Firms in Western Germany. *Entrepreneurship & Regional Development*, 2007, vol. 19, no. 4, pp. 293-312. DOI:10.1080/08985620701275510.
42. *Business Dynamism During the COVID-19 Pandemic: Which Policies for an Inclusive Recovery?* OECD, 2021. DOI:10.1787/f08af011-en.
43. Calvino F., Criscuolo C., Ikeuchi K., Menon C. Start-up Dynamics in Japan: Comparative Evidence from the Dynemp V.2 Database. *JER*, 2017, no. 68, pp. 188-199. DOI:10.1111/jere.12130.
44. Chun H., Kwon H. Empirical Studies on Firm Dynamics, Job Creation and Productivity Growth in East Asia and Beyond: Introduction. *The Japanese Economic Review*, 2017, vol. 68, no. 2, pp. 135-136.
45. Dejardin M. Linking Net Entry to Regional Economic Growth. *Small Business Economics*, 2011, vol. 36, pp. 443-460.
46. Delfmann H., Koster S. The Effect of New Business Creation on Employment Growth in Regions Facing Population Decline. *Annals of Regional Science*, 2016, vol. 56, pp. 33-54. DOI 10.1007/s00168-015-0738-1.
47. Estrin S., Prevezer M. A Survey on Institutions and New Firm Entry: How and Why Do Entry Rates Differ in Emerging Markets? *Economic Systems*, 2010, vol. 34, no. 3, pp. 289-308.
48. Gajewski P., Kutan A. Determinants and Economic Effects of New Firm Creation: Evidence from Polish Regions. *Eastern European Economics*, 2018. vol. 56, no. 3, pp. 201-222. DOI:10.1080/00128775.2018.1442226.
49. Haltiwanger J., Jarmin R., Kulick R., Miranda J. High Growth Young Firms: Contribution to Job Growth, Revenue Growth and Productivity. In: Haltiwanger J., Hurst E., Miranda J. (eds.). *Measuring Entrepreneurial Businesses: Current Knowledge and Challenges*. Chicago, IL, University of Chicago Press, 2015, pp. 1-73.
50. Hathaway I., Litan R. *Declining Business Dynamism in the United States: A Look at States and Metros*. Washington, The Brookings Institution, 2014.
51. Kaneva M. A., Untura G. A. Interrelation of R&D, Knowledge Spillovers, and Dynamics of the Economic Growth of Russian Regions. *Regional Research of Russia*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 84-91. DOI: 10.1134/S2079970518010045.
52. Kharroubi E. Growth Expectations and the Dynamics of Firm Entry. *BIS Working Papers*, no. 1036, 2022.
53. Krasniqi B., Lajqi S. Gibrat's Law And Jovanovic's Learning Theory: An Empirical Test for Small Firms in a Post-conflict Economic Setting. *Ekonomski pregled*, 2018, b. 69, no. 3, s. 251-268.
54. Modery W., Valderrama M. Key Factors Behind Productivity Trends in EU Countries. *Occasional Paper Series* 268. European Central Bank, 2021.
55. Peér A., Vertinsky I. Firm Exits as a Determinant of New Entry: Is There Evidence of Local Creative Destruction? *Journal of Business Venturing*, 2008, vol. 23, no. 3, pp. 280-306.
56. Salman A., Zampatti D., Shukur G. Macroeconomic Determinants, Innovation and the Birth of New Firms: Negative Binomial Regression Approach. *International Journal of Economics and Finance*, 2013, vol. 5, no. 11, pp. 72-81.
57. Shane S. Why Encouraging More People to Become Entrepreneurs Is Bad Public Policy. *Small Business Economics*, 2009, vol. 33, no. 2, pp. 141-149.

58. Siemer M. Firm Entry and Employment Dynamics in the Great Recession. *FEDS Working Paper*, no. 56, 2014.
59. Solow R. A Contribution to the Theory of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 1956, no. 1, pp. 65-94.
60. Swan T. Economic Growth and Capital Accumulation. *Economic Record*, 1956. vol. 32. pp. 334-361.
61. Van Stel A., Suddle K. The Impact of New Firm Formation on Regional Development in the Netherlands. *Small Business Economics*, 2008, vol. 30, pp. 31-47. DOI:10.1007/s11187-007-9054-1.